

Ю. О. МАРТОВ

**Большевизм в России и Интернационале
(Речь, произнесенная на съезде
Независимой партии Германии в Галле
15 октября 1920 г.)¹**

Товарищи, вопрос, которым занят настоящий конгресс² и который в настоящее время волнует социалистический пролетариат в различных странах, гораздо шире вопроса о «21 пунктах»³, т. е. об организационных основах истинно революционного Интернационала.

Это — вопрос об основных принципах, которыми должно руководствоваться рабочее движение в революционную эпоху, об основах тактики революционных социалистических партий. Но отнюдь не в том смысле, в каком пытался изобразить дело председатель III Коммунистического Интернационала, когда борьбу между большевиками и лево-социалистическими партиями в России и других странах представлял, как борьбу между революционным социализмом и реформизмом⁴.

Социалистический реформизм, т. е. вера в возможность социального освобождения пролетариата путем постепенного улучшения его экономического положения в рамках капитализма и путем постепенного приобщения пролетариата к государственной власти, остающейся в руках буржуазии, убит и дискредитирован всемирно войной и ее последствиями⁵. И если он не исчез совершенно из рабочего движения, если в той или другой стране партии, использующие его, еще держат в своих рядах сравнительно широкие кадры рабочих, то лишь потому, что распространяющаяся по Европе зараза примитивной, на чувствах, не на сознании основанной, реакции широких масс против обанкротившегося реформизма вносит во все рабочее движение тот хаос, ту деморализацию и дезорганизацию, которая остальную часть рабочих временно бросает назад в объятия ловких политиков и дельцов реформистского лагеря.

Коммунистический большевизм, пытающийся демагогически использовать чувства отчаяния и элементарного, сознанием не освещенного, возмущения масс, чтобы ускоренным путем прийти к социальному перевороту, будет нести на себе всю историческую ответственность, если в результате ряда тяжелых поражений пролетариата — Финляндия, Венгрия, Бавария тому пример — снова сможет возродиться в рабочих массах Европы и Америки разбитая опытом войны реформистская вера.

Смысл существования т. н. «центральных» партий — партий последовательной классовой борьбы в настоящую эпоху смуты и разброда в рабочем движении и организационного раздробления рабочего класса — в том и заключается, чтобы сплотить разочаровавшиеся в социалистическом патриотическом реформизме и брошенные в бездну отчаяния пролетарские массы, углубить их затемненное годами военного психоза классовое самосознание, оградить их от влияния анархистской демагогии и революционной романтики. И этим путем — и только этим — разработать силу, способную в наступающем периоде революционных потрясений сознательно и целесообразно бороться за завоевание политической власти, за экспроприацию буржуазии, за социализм.

Люди, стоящие во главе III Интернационала, считают себя революционными марксистами. И наиболее видные из них прошли марксистскую школу. Но их сознание развращено всей обстановкой нынешней эпохи, когда широкие дезориентированные массы жаждут с почти религиозной верой немедленной победы, немедленного конца вековым страданиям. И они, эти когда-то марксистски воспитанные вожди, ныне сознательно спекулируют на эту реальную психологию масс, сами уверовав в то, что стоит, опираясь на внезапно поднявшуюся стихию, захватить власть в государстве и всеми силами государственного принуждения удержать ее в руках, и дело социальной революции будет сделано, независимо от степени экономической зрелости каждой отдельной страны: в Корею, как в Англию, в Болгарию, как во Францию, независимо от мировой экономической конъюнктуры данного момента.

Борьба между этими двумя мировоззрениями в рабочем движении должна разгораться тем шире, чем больше изживают массы иллюзии обанкротившегося реформизма. И большевистские вожди по-своему правы, когда именно в партиях центра, в марксистах, стоящих на почве социальной революции, но не разрывающих

связи с самыми ценными традициями прежнего социалистического развития, видят своих главных противников, главное препятствие к тому, чтобы водворить свое господство в рабочем движении на руинах реформистских иллюзий пролетариата. Ибо понятно, что с их точки зрения гг. Носке⁶, Биссолати⁷, Альберы Тома⁸ работают в эту революционную эпоху на них, тогда как революционные марксисты своим влиянием на рабочие массы тормозят успехи путчистского, на стихийном движении спекулирующего большевизма. Понятно, что для них немецкие независимые всегда были самыми опасными врагами. Ведь это недавно Ленин напечатал (в «Коммунистическом Интернационале»⁹), что они даже опаснее чем «Шейдеман¹⁰ и К°». (*Крики в зале: «Слушайте, слушайте, слушайте!»*)

Понятно, что в России большевики считают менее опасными правых социалистов и полусоциалистов, чем меня, который в течение 5 лет оставался и остается на одной и той же позиции революционного марксизма. Всегда решительно отвергал всякое классовое сотрудничество и с первого дня войны занял непримиримую по отношению к патриотизму позицию и объявил, что 1 августа 1914 г. цивилизованный мир вступил в эпоху социальной революции¹¹.

Понятно, что именно я и мои единомышленники, которые с конца 1917 года овладели большинством в российской социал-демократической рабочей партии, являемся в агитации русских, немецких, голландских и, вероятно, персидских и корейских большевиков образцами самых опасных, самых злостных «предателей пролетариата», ибо мы, верные заветам нашего учителя Карла Маркса, холодной водой критики окачиваем слепую веру в социальные чудеса.

Но если большевики правы со своей точки зрения, то трижды правы будут все подлинно революционные марксистские элементы пролетариата, когда в свою очередь поймут, что рядом с все еще не сошедшим со сцены оппортунистическим и националистическим реформизмом большевистский, на наивной религиозной вере несознательных масс спекулирующий, революционаризм является главным препятствием на пути, ведущем к победоносной социальной революции.

Сегодня здесь, в Галле, впервые на почве Западной Европы развивается политический бой между двумя мировоззрениями, первый в ряду предстоящих еще западноевропейскому рабочему движению подобных боев. Зиновьев прав: эта борьба должна [быть], от нее нельзя уклониться, и я глубоко убежден, что результатом

ее будет торжество революционного марксизма, следовательно, восстановление разбитого сейчас на отдельные ручки и тем обессиливаемого в своей революционной мощи рабочего движения.

В свете этой борьбы должен рассматриваться и вопрос о 21 пунктах. Как ни чудовищны они на первый взгляд, они законны и логически необходимы с точки зрения III Коммунистического Интернационала.

Этот последний образовался как объединение ряда коммунистических партий и сект вокруг русского советского государства.

На одной стороне большей частью слабые, из сектантской оболочки не вышедшие, группировки революционных элементов, с другой — сильная государственная власть, распоряжающаяся жизнью сотен миллионов жителей страны и громадными материальными средствами. Между такими двумя сторонами не может быть никакого равноправного союза.

Подавляющее превосходство силы целого государственного аппарата по отношению к этим слабым сектам и мелким партиям исключала до сих пор возможность права участия этих организаций в руководстве политикой III Интернационала. Русское правительство решало и предписывало — остальные прилагали свою подпись.

Но так долго продолжаться не могло. Широкие организованные рабочие массы Европы жаждали интернационального объединения. Они стремились примкнуть к единственному центру, стоящему на почве социальной революции, чтобы совместно определять международную политику социализма. Интернационал очутился перед перспективой, что его организация будет заполнена массовыми партиями, которые привыкли к самоуправлению и с которыми невозможно будет продолжать патриархальное хозяйство. Недаром единственная крупная коммунистическая партия — итальянская, — входившая с самого начала в III Интернационал, фактически занимала в нем особое положение, не допуская чересчур бесцеремонного вмешательства Москвы в свои внутренние дела. Недаром норвежский коммунист Фрис¹² и шведский коммунист Гримлунд¹³ после Страсбургского и Лейпцигского конгрессов¹⁴ заявили в интервью, помещенном в эстонском «Социал-демократе», что считают необходимым вступление в III Интернационал Германской независимой и Французской социалистических партий: «...чтобы “положить конец диктатуре Москвы”». Это их собственные слова.

Перед большевиками стала опасность превращения III Интернационала в столь ненавистный им социалистический «парламент», в котором отдельные организации равноправно борются за свои мнения.

Необходимо было поэтому юридически закрепить прежнее положение, создать непроходимый барьер для элементов, способных и имеющих право требовать право участия в решениях. Отсюда явился 21 пункт, как кто-то верно выразился, произведение той дипломатической школы, которая прославила себя австрийским ультиматумом Сербии в 1914 г.¹⁵

21 пункт должен на вечные времена сохранить тот характер III Интернационала, который ярко выразился на всех работах его второго конгресса. Сознательные пролетарии всех стран были так ошеломлены этими 21 пунктами, что не обратили внимания на то, что делалось на самом конгрессе и что лучше всего объясняет, для чего нужны эти 21 пункт.

Подумайте только: конгресс собирается в момент напряженной борьбы Советской России с Антантой, словом, судьба русской революции стоит в центре политической жизни. Конгресс занимается всем, чем угодно. Он решает, участвовать ли австрийским коммунистам в выборах в парламент? Входить ли английским коммунистам в «Лябур-Парте»¹⁶, германским в профессиональные союзы? Он ломает себе голову над тем, кого из старейших вождей германского и итальянского движения сохранить в рядах соответствующих партий? Возможно ли сохранить во французской партии социал-патриота Реноделя¹⁷? Или можно удовлетвориться одним Марселем¹⁸?

На все эти ультраважные вопросы находится время, по всем им принимаются торжественные решения, но в это самое время русская Красная Армия приближается к воротам Варшавы; организованные рабочие Англии и других стран, помня о многократном, торжественном обещании советского правительства заключить мир с Польшей, как только она откажется от своих завоевательных планов, развивают максимальную энергию, чтобы принудить Антанту не оказывать Польше помощи и тем заставить Польшу сделать предложение о мире. Не достигнуто.

Но Красная Армия продолжает продвигаться к Варшаве, переходит за Вислу, занимает Сольдау, а советская дипломатия явно для всех затягивает начало переговоров и, когда они наконец наступают, предъявляет требования, равносильные отказу этого

правительства от власти, т. е. рассчитанные на то, что оно не может их принять. И все это делается после торжественного заседания Петербургского Совета, председателем которого является Зиновьев и который принимает и публикует резолюцию: «Никакого мира с Польшей, пока в ней не свергнута буржуазия и не установлена советская республика»¹⁹.

И все это после того, как вслед за Красной Армией, составленной из польских эмигрантов, революционный комитет берет на себя роль временного правительства Польши, импортированного из России.

Казалось бы, первым делом конгресса Интернационала было решить, что именно лежит в интересах мировой революции — продолжение ли войны Советской России с Польшей и Антантой или попытка искусственно вызвать революцию в Польше, зажечь международный пожар и призвать народы Германии и Австрии к поддержке агрессивной революционной войны Советской России против Антанты. Русский пролетариат, которому все время обещали скорый мир и с Польшей, и с Антантой, не был спрошен о его мнении по этому вопросу.

Не был спрошен и III Интернационал. Советское правительство решило вопрос и пыталось поставить пролетариат всех стран перед совершившимся фактом, требуя от других коммунистических и некоммунистических партий безоговорочной защиты этой политики, авантюристской и безответственной (это показало полное отсутствие революционного восстания оккупированной Польши и последующее поражение Красной Армии, приведшее к тяжелому миру в Риге²⁰).

Зиновьев здесь говорил, что большевики не пытались втянуть Германию в войну с Антантой. Неверно.

Не кто иной, как Троцкий в разгар русских побед сказал в одной из речей: «Мы дадим бой Антанте на Рейне»²¹.

В Сольдау офицеры и комиссары Красной Армии в своих речах демонстрировавшим германским националистам заявляли, что Россия возвратит Западную Пруссию германскому отечеству. (*Смех и крики: «Слушайте, слушайте!»*)

И чтобы закрепить этот трогательный союз между германскими националистами и большевиками, начальник армии успокоительно публиковал: «Ввиду аграрного характера этой провинции в ней не были введены Советы». (*Крики: «Слушайте, слушайте!»*)

Товарищи, вы слышали вчера, как убедительно доказывал Зиновьев, что в Германии не может быть революции без крестьянских советов. (*Бурные аплодисменты.*)

Как «Rote Fahne»²² и ораторы коммунистической партии в это время агитировали за войну, за использование приближающейся Красной Армии к границам Германии для уничтожения Версальского мира, вы сами хорошо знаете. Эта политика может быть очень плоха, как я думаю, она может быть гениально ловка, как думает, вероятно, Ленин, факт тот, что, несмотря на ее громадное значение для судеб пролетарского движения во всех странах, она решается «автономно», вернее сказать, «самодержавно» русскими большевиками, которые ставят весь пролетариат перед свершившимся фактом. Где же подлинный Интернационал, стоящий над отдельными национальными партиями и подчиняющий общим интересам революции частные интересы отдельных отрядов социалистической армии?

Ибо, товарищи, психология русской большевистской партии объясняется тем, что она склонна рассматривать русскую революцию как самоцель.

Она завоевала государственную власть в стране с ничтожным численно пролетариатом, с ничтожной производительностью труда, с отсутствием основных экономических и культурных предпосылок для организации социалистического производства, и в этих объективных условиях большевики встречают непреодолимое препятствие для осуществления своих идеалов. После трех лет гражданской войны революция истекает кровью, народ умирает с голоду. (*Крики: «Слушайте, слушайте!»*) А между тем процесс развития революции на Западе, как это публично признали Радек и Ленин, идет не так быстро, как рассчитывала большевистская партия, когда власть, доставшаяся ей вследствие счастливого стечения обстоятельств, использовали, ведя попытки ускоренно-радикальным путем превратить Россию в социалистическое государство.

Радек²³ и Ленин признали, что революция на Западе [развивается] медленно вовсе не потому, как здесь объяснял вчера Зиновьев, что революционная воля пролетариата парализуется «предателями» вроде Каутского, Гильфердинга, Ледебура, Криспина²⁴, Роберта Смайля²⁵, Адлера, Лонге²⁶ или Мергейма²⁷, а потому, что объективные условия не создают еще вполне революционной конъюнктуры, особенно в странах Антанты. (*Голоса: «Очень хорошо!»*)

Понятно, что при таком положении у большевиков, борющихся за сохранение своей власти и видящих в сохранении этой власти залог успеха международной революции, проявляется склонность пускать в ход все. Самые рискованные и сомнительные средства, лишь бы как-нибудь продлить борьбу русской революции за свое существование, невзирая на то, как то или иное средство отразится на развитии всей международной революции. Отсюда величайшая опасность того исключительного положения, которое присвоило себе большевистская партия, стоя вне контроля международного социализма в своей политике. (*Аплодисменты.*)

Это исключительное положение пытаются оправдать филистерскими аргументами: всякая, даже социалистическая, критика Советской России есть-де вода на мельницу международной контрреволюции. Этот аргумент принес уже много вреда и русской и европейской революции.

Безоговорочная, самая решительная поддержка большевиков, когда они защищают русскую революцию против империализма и его агентов, может стать только более успешной, если она будет сопровождаться откровенной пролетарской критикой тех внутренних противоречий и слабостей русской революции, без преодоления которых она неминуемо погибнет от внутреннего бессилия.

Ибо русская революция больна. Насколько больна она экономически, убедились немецкие рабочие, отправившиеся работать в Россию. Насколько опасно больна она политически, вы могли убедиться вчера из прочитанной статьи Зиновьева. (*Аплодисменты и крики: «Очень хорошо!»*)

Русская революция больна, и собственными средствами излечиться не может. Ей нужно оздоравливающее влияние организованного социалистического пролетариата, только под этим влиянием русский пролетариат найдет выход из тупика, в котором он находится.

Контролем хотя бы и своего Коммунистического Интернационала большевистское правительство не подвергло и своей восточной политики. На втором конгрессе раздались голоса индусских и других восточных социалистов, недоумевавших, как коммунистическое правительство может объединяться с их непосредственными классовыми врагами, с местной, прогрессивной буржуазией, против которой честные пролетарии начинают свою борьбу. Эти протесты были, однако, затушеваны усилиями лидеров. И вопрос

о том, идет ли восточная политика Советской России по линии, соответствующей интересам социализма, не обсуждался.

Между тем это вопрос громадной важности. Я считаю колоссальным по своему историческому значению факт революционного пробуждения народов Востока под влиянием русской революции. Но этот колоссальной важности факт ставит целый ряд сложных проблем, в правильном разрешении которых заинтересован всемирный пролетариат. Внеконтрольное решение этих проблем русским большевизмом чревато большими опасностями. Слишком велик соблазн рассматривать народы Востока, как шахматные фигуры на поле дипломатической борьбы с Антантой.

Сколько раз уже советская дипломатия заявляла Англии, что, в случае признания ею советского правительства, последнее готово отказаться от пропаганды на Востоке — «придется предать перса и турка», как признал один влиятельный советский дипломат в частной беседе.

Слишком велик соблазн раздувать стихийные движения, играя словами «священная война» и давая возможность муллам и пашам традиционное «священное» истребление армии оправдывать тем, что они орудия Антанты, против которой Ленин объявил «священную войну». Недаром в день вступления Красной Армии в Тегеран официальный орган персидского правительства «Ирач» доказывал, что при ближайшем рассмотрении между духом Корана и духом большевизма есть много общего, даже институт легко расторгимого гражданского брака в Советской России может быть рассматриваем, как приближение к мусульманскому многоженству. (*Смех и бурные аплодисменты.*)

Это более смешно, чем грустно, но прочитанный нам Зиновьевым документ об отношениях между большевиками и Энвер-пашой²⁸ более грустен, чем смешон. Эти непреклонные судьи европейских пролетариев и их вождей обещают «погромных дел мастеру Энвер-паше» вернуть доверие, когда он «видер гут махт», сделанные им в прошлом «фальше штрите». Такая мелочь, как убийство миллиона армян, может быть легче прощена, чем страшные контрреволюционные преступления какого-нибудь Роберта Смайли или Мергейма, или Д'Арагона²⁹. (*Бурные аплодисменты.*)

В настоящее время народы Востока видят в социализме и в русском большевизме, как его представителе, своего руководителя и освободителя. Но если увидят, что и социалистические

правительства способны играть ими как пешками, подобно правительствам империалистическим, если восточная политика России на Кавказе будет сегодня разжигать вражду между мусульманами и армянами, а завтра, быть может, в Индии между браминами и мусульманами, то пробуждающиеся народы Востока отвратятся от европейского социализма.

Кстати, отсутствие международного контроля над ее политикой чрезвычайно соблазняет большевистскую партию на весьма смелые эксперименты. Знают ли, например, немецкие и другие коммунисты, что их русские собратья признают на Востоке иногда и ту коалиционную политику, которой они объявляют такую беспощадную критику на Западе. А между тем это имеет место вот уже несколько месяцев в так называемой «Дальневосточной Сибирской республике»³⁰ (Владивосток)³¹, которая, освободившись от Колчака³², образовала самостоятельное государство. В этой республике, управляемой на основе всеобщего избирательного права (*Голоса: «Слушайте, слушайте!»*), все партии, от буржуазных до коммунистов включительно (*Крики: «Слушайте, слушайте!»*), образовали национальный блок для борьбы с японской оккупацией. В этом правительстве находятся два кадеты (да еще бывшие министры Колчака), несколько правых социалистов и два коммуниста. (*Голоса: «Слушайте, слушайте!»*) Об этом сообщил в «Известиях» один из коммунистических министров тов. Кушнарев³³.

Если III Интернационал на своем конгрессе не касался даже вопроса внешней политики большевизма, непосредственно затрагивающей всех пролетариев, то естественно, что вопросы внутренней революционной политики большевизм решает столь же суверенно. Самоуправление рабочих на фабриках через заводские комитеты Советское правительство заменило диктатурой инженеров, милитаризовав труд большинства русских рабочих. Иностранцы коммунисты, так заботливо обсуждавшие на конгрессе, кого надо исключить из рядов немецкой независимой партии, не нашли времени обсудить, в какой мере соответствует принципам социализма такого рода организация труда. (*Крики: «Очень хорошо, браво!»*)

Точно так же без рассмотрения и без санкции III Интернационала большевистская партия в России сделала всесторонний терроризм основой всей системы революционного правительства. III Интернационал молча обходит вопрос о целесообразности и допустимости такой системы. Все социальные партии должны взять на себя

ответственность за то или иное решение этого вопроса. О том, что такое террор в России и как он возник, дает совершенное представление вчерашняя речь гражданина Зиновьева, который, впрочем, именно в вопросе о терроре показал, что он не более как «доведенный до ярости мелкий буржуа». Дело идет не о том, явились ли репрессии со стороны советского правительства ответом на контрреволюционные действия его врагов. Дело идет о том, допустимо ли для социалистической партии применять террор, т. е. политику устрашения враждебных классов и партий огульным убийством виновных и невиновных. В ответ на убийство Урицкого³⁴ и покушение на Ленина, два акта, организованных единичными лицами, может быть при содействии нескольких человек, в Петербурге, управляемом Зиновьевым, расстреляно 800 лиц, гораздо ранее арестованных. Большинство офицеров, ничего общего не имевших с этим покушением и арестованных не за контрреволюционные действия, а в качестве подлежащих изоляции враждебных революции сил. (*В зале страшные волнения, по адресу Зиновьева кричат: «Палач, бандит, фуй, фуй!»*) Список расстрелянных был помещен в «Известиях»³⁵ того времени, и Зиновьев не может отрицать факт. Среди расстрелянных случайно оказался один член нашей партии, молодой рабочий металлист Краковский³⁶. (*Крики возмущения и протеста.*) Не может Зиновьев отрицать и того, что подобные гекатомбы по предложению центрального правительства (циркуляр комиссара внутренних дел Петровского³⁷) были произведены во всех городах России.

Здесь я должен исправить маленькую — скажем — неточность Зиновьева. В оправдание массового террора он сказал, что покушение на Ленина было организовано Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров и что именно поэтому сотни членов этой партии были расстреляны. Это неправда. И когда Зиновьев доказывал это признанием Савинкова в «Матен»³⁸, что он организовал покушение Доры Каплан³⁹ на Ленина, то он забыл прибавить, что покушение совершилось в августе 1918 года, а за год до этого, еще при правительстве Керенского, партия социалистов-революционеров опубликовала об исключении Савинкова из ее рядов. (*Крики: «Слушайте, слушайте!»*)

Вы видите, товарищи, что когда председатель III Интернационала ссылается на «факты», то этот термин не следует понимать буквально... (*Бурные одобрения.*) Огрубление, ожесточение, вызванные войной, виновны в русском терроре, говорит Зиновьев.

Да, но когда Зиновьев, Троцкий и журналисты большевистской печати проповедуют террор массам без разбора против всех противников большевизма вплоть до социалистов, ведущих мирную пропаганду, то эти вожди виновны в культивировании зверств и деморализации, посеянных войной. Один тот факт, что жены политических противников, хотя бы контрреволюционеров, или сыновья их берутся заложниками и что много раз этих заложников расстреливали в отместку за поступки отцов и мужей, свидетельствует о том, до каких пределов доходит террор. *(В зале стоит страшный шум, по адресу левой кричат: «Вот ваши будущие товарищи по третьему Интернационалу. Палачи!... Звери!...»)*

Зиновьев решился здесь сказать, что после победы над Деникиным смертные казни в России прекратились. Он забыл, что лишь на короткое время и что вскоре же, вопреки торжественным обещаниям, она[смертная казнь] возобновилась и теперь снова применяется в ужасных размерах. Одни только военные суды за июль месяц расстреляли, согласно отчету, помещенному в «Известиях», 800 человек. *(Крики: «Слушайте, слушайте!»)*

Но система террора не исчерпывается убийствами. Массовые аресты. Запрещение всякой печати и всяких собраний. Заключение с принудительными работами без всякого суда. Повседневная кара за стачки или только коллективное рабочими требование. Запрещение рабочим выбирать в Советы представителей определенной партии. Наконец, по признанию самого Зиновьева в его статье, ссылка на фронт рабочих членов Коммунистической партии за попытку критики вождей. Этот террор признается третьим Интернационалом как допустимая для социалистов система управления. *(Крики возмущения и протеста.)*

Мы, русские социал-демократы, решительно протестуем против попыток, осудив такой террор для Европы, признать его необходимым для отсталой некультурной России. Нет, мы требуем, чтобы интернациональный пролетариат признал развращающим и недопустимым большевистский терроризм, где бы он ни применялся, и тем помог бы русскому пролетариату избавиться от него. Ибо и в отсталой России террор мог утвердиться только в борьбе терроризма с самыми лучшими наиболее классово-сознательными элементами русского пролетариата.

Товарищи, ничто не могло меня так больно уязвить в моих чувствах гордости за русскую революцию, как постоянно задаваемый

мне здесь немецкими товарищами вопрос: не отразится ли на Вашей судьбе по возвращении в Россию, если Вы будете полемизировать здесь с Зиновьевым? Стыд за мое отечество меня охватывает, когда я подумаю, что 20 лет героической борьбы, три революции понадобились русскому пролетариату, чтобы иностранные товарищи имели право — и полное право — поставить мне подобный вопрос. И чтобы я не имел никакой возможности ответить иначе. Что, без сомнения, за всякое слово, которое я здесь публично выскажу против большевистской партии и ее политики, уже теперь, прежде чем я вернусь в Россию, моим товарищам, сотни которых томятся еще в большевистских тюрьмах, будет отомщено тем или иным образом, развращенными систематическим террором и коррупцией большевистскими властями. (*Протесты и возмущение.*)

Взяли же они, когда им не удалось арестовать лидера социалистов-революционеров В. Чернова, в заложники его жену, кто лично многим видным большевикам известна как лицо, стоящее далеко от политики, арестовали ее, ее трех детей, из которых одна была девочка 11 лет. (*Крики возмущения. «Фуй, позор!»*) Неделю держали девочку в тюрьме и только по настоянию порядочных людей из большевиков освободили, жена же его — больная женщина — сидит уже 6 месяцев в ужасных условиях, будучи виновной только в том, что она является женой страшного противника большевиков... (*Опять крики протеста и возмущения.*) В очень многом моя партия разнится от партии социалистов-революционеров, с политикой которой мы боремся, но против этой низости в России мы протестовали самым энергичным образом как против деяния, которое позорит всю революцию и революционную страну.

Я говорю совершенно открыто: от моей партии я получил полномочия в вопросе защиты русской революции против империалистических интриг самым резким образом выступать, невзирая на то, что я буду объявлен капиталистическими правительствами как «полубольшевик». И в то же время с такой же решительностью рассказать европейскому пролетариату всю правду о внутренних противоречиях, о слабости русской революции, о сущности большевизма и его государственной политики, не обращая внимания на то, какая месть в результате обрушится на меня лично или на мою партию. Наступит же когда-нибудь день, когда высшей славой русского пролетариата будет признан тот факт, что в самые тяжелые времена, при господстве совершенно религиозно-

утопического психоза над социалистическими несознательными массами, когда всякий осмеливающийся сказать слово критики рисковал подвергнуться самосуду, когда столь много профессиональных политиков, хорошо известного вам сорта, из страха потери популярности или репрессий со стороны властей предержавших, так храбро умели молчать в нужный момент, или в 24 часа перебежали из крайне правого крыла на крайне левое. Что в такой момент исчезновения подлинного гражданского мужества вновь находились в России простые рабочие, имеющие за собою годы царистской тюрьмы. Отцы семей, которые вопреки всему, вопреки неслыханным мерам репрессий, честно и открыто повсюду высказывали свои социал-демократические убеждения, противопоставляли марксистские методы религиозно-утопическому безумию и на террористические угрозы давали один ответ: таково мое убеждение и иначе я не могу. Так как все еще в России есть такие пролетарские элементы, то мы не теряем надежды, что русская революция еще выйдет из тупика, в который загнали ее отсталость страны и идейная отсталость большевизма.

Товарищи, пролетариат всего мира жаждет создания того Интернационала, который объединит его в грозную революционную скалу. Сознание необходимости такого Интернационала действия есть громадный шаг вперед в истории всемирного движения пролетариата. И неудивительно, что после глубокого морального и политического банкротства старых социал-демократических партий, после того, как опозорены были все самые славные традиции международного социализма, когда на щеках старых вождей горели позорные следы иудиных поцелуев, заключивших бургфриден⁴⁰ буржуазных политиканов — неудивительно, что после этого кризиса революционные рабочие массы, с недоверием отвернувшиеся от старых своих центров, обращаются к единственной стране, где победила революция, и социалистам этой страны готовы вручить руководство своим движением, не понимая, в какой мере отличной является та социальная почва, на которой победила Россия, от той, на которой развивается революция на Западе — в Западной Европе.

Так наступил психологический момент, о котором полвека назад мечтал Михаил Бакунин. Этот Иоанн Предтеча⁴¹ нынешнего московского Искусителя⁴². Момент, когда обнищавшие и в отчаяние приведенные пролетарские массы Европы готовы будут слепо пойти за лишь под некоторым влиянием пролетарского

социализма находящейся, но в основе своей — крестьянской революцией. Настал, наконец, момент, когда апостолы этого, предвещенного Бакуниным, мессии могли разойтись по всем странам и 12 раз на 12 языках распространить новые издания бакунинского Евангелия⁴³, с успехом вытравляя следы многолетнего воспитания в духе столь ненавистного Бакунину научного марксистского социализма. Все это под флагом сверх-марксизма⁴⁴.

Быть может, в течение еще некоторого времени будет иметь успех пропаганда этого нового Евангелия среди материально и духовно опустошенных милитаризмом европейских народов. Но двух результатов, во всяком случае, она не достигнет. Международного пролетариата она к победе не приведет, и, поверьте мне, в минуту раздумья Ленин уже спрашивает себя, глядя на своих двенадцать двенадцать апостолов, кто отречется от него в момент неизбежного похмелья? Кто первый из яростных революционеров перебежит в лагерь трезвенных реформистов? И «Интернационал действия» эта работа не создаст, потому что такой Интернационал, может, и будет возрождаться в процессе борьбы пролетариата в защиту угрожаемой империализмом русской революции, но возродиться он сможет лишь свободный от духовного руководства тех революционеров, которые в своем мировоззрении и в своей тактике не могут не отражать социалистической основы своей революции с ее внутренними противоречиями и реакционными тенденциями.

Поэтому и для блага как русской, так и интернациональной революции необходимым является, [чтобы] дело восстановления Интернационала, дело объединения революционных сил всего мирового пролетариата было взято в свои руки марксистскими элементами рабочих партий западных стран.

И в этом смысле я кончаю свою речь пожеланием, которое разделяют со мною все социал-демократические пролетарии России: в интересах международной, в интересах русской революции да сохранится, да стоит твердо во главе передового германского пролетариата подлинно Независимая социал-демократическая партия. (*Бурные аплодисменты независимых, свист и крики коммунистов.*)

